

005001372

БАЖИН
Дмитрий Александрович

**БАНКРОТСТВО:
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
И МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право

1 0 НОЯ 2011

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Екатеринбург 2011

Работа выполнена на кафедре уголовного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Козаченко Иван Яковлевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Бойко Александр Иванович,
кандидат юридических наук, доцент
Лапшин Валерий Федорович

Ведущая организация: Волжский университет (институт)
имени В. Н. Таглицева

Защита состоится 24 ноября 2011 г. в «13⁰⁰» ч на заседании диссертационного совета Д 212.282.03 при ФГБОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия» по адресу: 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, зал заседаний совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Уральской государственной юридической академии.

Автореферат разослан «22» 10 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор юридических наук,
профессор

З. А. Незнамова

ВВЕДЕНИЕ

Законодательство о банкротстве является одним из самых быстро модернизируемых видов законодательства в нашей стране. За период с 1992 г., когда был принят первый нормативный акт о несостоятельности (банкротстве), по 2011 г. сменилось два федеральных закона, регулирующих данные правоотношения, были введены в действие правовые акты о банкротстве кредитных учреждений и субъектов естественных монополий. За истекшее время в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») изменения вносились двадцать шесть раз. Наиболее масштабные нововведения касались двух вопросов: регулирования процедуры торгов и вопросов ответственности лиц, контролирующих должника, в том числе оспаривания сделок должника. Использование правовых механизмов, содержащихся в законодательстве о банкротстве, позволяет частично возместить ущерб от правонарушений, связанных с несостоятельностью, но не способно их предотвратить. Эти задачи могут быть решены только при совместном применении норм гражданского, административного и уголовного права. Между тем за период с января по апрель 2011 г., по данным МВД РФ, было выявлено 289 преступлений в сфере банкротства, т. е. 0,3 % от общего количества преступных деяний экономической направленности, что явно не соответствует их реальному количеству. Незначительное число обнаруженных сотрудниками правоохранительных органов преступлений в сфере банкротства свидетельствует о том, что возможности уголовной ответственности по противодействию этим деяниям реализуются не в полной мере.

Потребность в выделении и самостоятельном изучении уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере банкротства, обусловлена следующими причинами.

Во-первых, диспозиции уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления в сфере банкротства, являются бланкетными, что вызывает трудности в их применении.

Во-вторых, хотя вопросы несостоятельности и уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства неоднократно обсуждались в монографических изданиях и на страницах периоди-

ческой печати, анализ соотношения различных видов ответственности за банкротство, роли каждой из них в противодействии правонарушениям в сфере несостоятельности не проводился.

В-третьих, банкротство остается высококриминализированной сферой экономики. Возможности процедуры несостоятельности нередко используются для оказания воздействия на юридических лиц и предпринимателей, для захвата чужой собственности или для уклонения от погашения долгов.

В рамках исследования экономических преступлений в сфере банкротства особенно важным и актуальным представляется определение условий наступления уголовной и иных видов ответственности, которые не будут неоправданно ущемлять интересы субъектов экономической деятельности и в то же время позволят своевременно отреагировать на совершенное правонарушение и предотвратить причинение ущерба или уменьшить потенциальные негативные последствия банкротства юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Отмеченные выше обстоятельства и определили выбор темы настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. Проблематике конкурсного права и уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства были посвящены работы В. М. Баранова, П. Д. Баренбойма, В. С. Белых, А. В. Бриллиантова, Б. В. Волженкина, С. В. Векленко, В. В. Витрянского, Р. Ф. Гаррифулиной, Л. Д. Гаухмана, Ю. А. Гладышева, А. С. Горелик, А. А. Дубинчина, А. Э. Жалинского, А. П. Жеребцова, И. Э. Звечаровского, А. В. Игошина, С. А. Карелиной, А. Н. Классена, И. А. Клепичко, Б. И. Колба, И. А. Кондрашиной, М. Костровой, И. Ю. Михалева, Л. А. Можайской, О. А. Москалевой, А. Г. Ненайденко, Т. В. Пинкевич, Т. Ю. Погосян, В. В. Степанова, Э. С. Тенчова, А. Х. Тимербулатова, Д. С. Токарева, А. Н. Трайнина, Т. Д. Устиновой, Г. Н. Хлупиной, П. С. Яли, Б. В. Яцленко, П. А. Черкасского, И. В. Шишко и многих других авторов.

Высоко оценивая творческие исследования этих авторов, диссертант считает необходимым отметить, что внимание большинства из них было сосредоточено на уточнении понятий, использованных законодателем при описании составов преступлений в сфере банкротства. В частности, предметом многочисленных дискуссий яв-

лялся вопрос о субъекте данных преступлений. Указанные дискуссии были спровоцированы не вполне корректными формулировками ч. 2 ст. 195 УК РФ, ст. 196 УК РФ и ст. 197 УК РФ, согласно которым субъектом названных преступлений являются руководитель (учредитель) юридического лица либо индивидуальный предприниматель. Такая формулировка не позволяет прийти к однозначному выводу о том, можно ли под руководителем юридического лица понимать лицо, фактически исполняющее функции руководителя, если оно не было назначено или избрано на эту должность в установленном порядке и его статус не зафиксирован в учредительных документах, а значит, и в выписке из Единого государственного реестра юридических лиц. Предметом дискуссии также являлся вопрос, можно ли признать субъектом преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ, арбитражного управляющего, поскольку он прямо в статьях УК РФ не указан. В частности, П. С. Яни писал, что фактический руководитель может быть привлечен к ответственности, как и арбитражный управляющий.

Активную полемику вызывал и вопрос единообразного толкования терминов и формулировок закона. Многие авторы предпринимали попытки конкретизировать и уточнить уголовно-правовые понятия, которые усложняли квалификацию и создавали предпосылки для неоднозначного толкования норм уголовного права.

Вместе с тем в большинстве работ указанных авторов не были должным образом освещены признаки объективной стороны преступлений в сфере банкротства, в частности не разрешен вопрос о времени их совершения, предусмотренном в диспозициях ст. 195–197 УК РФ, и о соотношении защитных механизмов, предоставляемых уголовным правом, с нормами об ответственности за правонарушения в сфере банкротства других отраслей права.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель диссертационного исследования – на базе анализа норм уголовного, административного и гражданского права выявить специфику и сферу действия каждого из видов ответственности, сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства в сфере банкротства, учитывающие исторический опыт борьбы с правонарушениями, связанными с несостоятельностью.

В соответствии с указанной целью в процессе исследования были поставлены следующие задачи:

установить специфику и критерии дифференциации видов ответственности за различные правонарушения в сфере банкротства;

выявить пробелы и недостатки действующих норм уголовного законодательства и на этой основе сформировать предложения по их совершенствованию и практике их применения.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования послужили общественные отношения, складывающиеся в связи с совершением таких преступлений, как неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство, практика применения уголовно-правовых и иных охранительных норм права в данной сфере.

Предмет исследования составили нормы действующего уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за совершение экономических преступлений, нормы законодательства о банкротстве как комплексной подотрасли российского права, положения гражданского и административного права, практика применения уголовного закона, нормативных актов о банкротстве и КоАП РФ за совершение преступлений и правонарушений в сфере банкротства, акты дореволюционного и советского законодательства, статистические данные, материалы судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции, научная литература по исследуемой теме.

Методологическая основа и методы исследования представлены общенаучным диалектическим и конкретно-историческим методами познания, а также вытекающими из них частнонаучными методами – логическим, сравнительного анализа, синтеза, сравнительно-правовым, технико-юридическим, изучения документов, лингвистическим.

Теоретическую основу исследования составили научные труды в области уголовного права, а также литература по административному и гражданскому праву, по истории отечественного уголовного и гражданского права, посвященная вопросам регулирования института несостоятельности (банкротства).

Нормативная база работы. В диссертации исследовано действующее уголовное, административное и гражданское законодательство, а также нормы иных материальных и процессуальных от-

раслей права в той части, которая имеет отношение к теме и предмету исследования.

Эмпирическую базу исследования составила неопубликованная региональная судебная практика, в частности 35 приговоров и кассационных определений районных и областных судов Свердловской, Челябинской, Курганской областей и Пермского края за период с 2004 по 2010 г. Были изучены 270 дел о несостоятельности (банкротстве), рассматривавшихся в арбитражных судах Свердловской, Челябинской, Курганской областей, Пермского края, практика арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций за 2000–2011 гг. В качестве привлеченного специалиста или лица, выполнявшего разовые поручения арбитражных управляющих, диссертант принимал участие в 63 процедурах банкротства. В ходе работы был проведен опрос 232 сотрудников следственных органов и работников прокуратуры Свердловской, Челябинской, Курганской областей, Пермского края, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. В работе были использованы памятники российского права и дореволюционные нормативные акты, иллюстрирующие историю развития законодательства о банкротстве и о противодействии правонарушениям в сфере несостоятельности.

Научная новизна диссертационного исследования определяется, прежде всего, тем, что это одна из первых работ, где нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере банкротства, анализируются в их соотношении с охранительными и регулятивными нормами других отраслей права. Приведены некоторые новые аргументы, обосновывающие позицию, что момент привлечения к уголовной ответственности влияет на востребованность уголовно-правового механизма защиты прав потерпевших и крайне важен для предотвращения развития общественно опасных последствий преступлений в сфере банкротства. Предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства выдвигаются с учетом исторического опыта развития законодательства о банкротстве и об ответственности за правонарушения в сфере банкротства, что позволило проанализировать в числе прочих те правовые конструкции, которые в новейшем законодательстве не применяются, но хорошо себя зарекомендовали в дореволюционной России.

В работе приведены новые аргументы в поддержку высказанных в литературе точек зрения по ряду дискуссионных вопросов. Фор-

мулируются предложения по совершенствованию составов преступлений в сфере банкротства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обосновывается позиция, согласно которой уголовное право обладает наибольшим по сравнению с гражданским и административным правом потенциалом для предотвращения и пресечения правонарушений в сфере несостоятельности в силу свойств, присущих уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности в рамках процедуры банкротства.

2. Под потерпевшими, которым причиняется ущерб в результате неправомерных действий при банкротстве, фиктивного и преднамеренного банкротства, предлагается понимать только кредиторов юридического лица или индивидуального предпринимателя, поскольку интересы самого должника защищаются иными нормами уголовного закона.

3. В качестве кредиторов юридического лица или индивидуального предпринимателя следует рассматривать всех лиц, перед которыми должник имеет задолженность по денежным обязательствам и обязательным платежам, включая кредиторов по текущим обязательствам.

4. Под ущербом в ст. 195–197 УК РФ должны пониматься убытки в соответствии со ст. 15 ГК РФ. При определении ущерба, нанесенного кредиторам, необходимо учитывать обстановку совершения преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ. В том случае, если на момент совершения деяния конкурсное производство не введено, размер ущерба приравнивается к сумме невыполненных обязательств перед кредиторами. После признания должника банкротом и установления недостаточности его имущества для удовлетворения требований кредиторов в полном объеме размер убытков должен приравниваться к стоимости имущества, выбывшего из конкурсной массы, или размеру необоснованно возложенной на должника дополнительной обязанности.

5. Моментом причинения ущерба в преступлениях, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ, необходимо считать момент неисполнения должником гражданско-правовых обязательств, возникших в силу закона или договора, либо момент введения процедуры конкурсного производства, если деяния, повлекшие ущерб, были совершены до признания должника банкротом. Если деяния имели

место после введения процедуры конкурсного производства, то, следуя позиции, выработанной в дореволюционном законодательстве, предлагаем под моментом причинения ущерба понимать сам момент совершения неправомерного деяния.

6. Поскольку период, в течение которого у юридического лица или предпринимателя могут наличествовать признаки банкротства, законодательством не ограничен и само по себе наличие признаков банкротства не изменяет правоспособности должника по совершению сделок, распоряжению собственным имуществом и документацией, считаем, что деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 195 УК РФ, становятся общественно опасными при наличии реальной возможности признания должника банкротом.

7. Основываясь на том, что потребность в получении информации наиболее велика в период проведения процедуры наблюдения, а также на том, что арбитражный управляющий обладает правом на получение любых сведений о должнике в рамках любой процедуры, используемой в деле о банкротстве, предлагаем исключить из ч. 3 ст. 195 УК РФ указание на то, что воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего наказуемо только в том случае, если на него возложено выполнение функций руководителя должника.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Сформулированные в работе выводы и предложения могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства, практики его применения. Отдельные рекомендации и предложения могут быть реализованы при подготовке постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного вопросам применения законодательства об уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Кроме того, положения диссертации могут быть использованы при разработке учебных пособий и в учебном процессе, при преподавании уголовного права в вузах.

Апробация результатов работы. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права Уральской государственной юридической академии, где проводилось ее рецензирование и обсуждение. Основные положения диссертации изложены в научных статьях, обсуждались на международных научно-практических конференциях памяти М. И. Ковалева «Морально-этические и религиозные основы уголовного права» (Екатеринбург, 21–22 февраля 2009 г.), «Уго-

ловное наказание: социальное благо или зло?» (Екатеринбург, 18–19 февраля 2011 г.), Международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки» (Тамбов, 30 мая 2011 г.), рассматривались в ходе семинара сотрудников органов предварительного следствия в ГУВД по Свердловской области по вопросам расследования экономических преступлений (Екатеринбург, 10 февраля 2011 г.), использовались при подготовке к семинарским занятиям.

Структура диссертации. Структура диссертации определена ее целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, включающих 10 параграфов, заключения, библиографического списка, приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, показана степень ее разработанности, определяются цели, задачи, объект, предмет, методология и методика, теоретическая основа и эмпирическая база исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования, его структуре.

Первая глава «История развития законодательства о банкротстве и об ответственности за правонарушения в сфере несостоятельности».

Первый параграф «Период преобладания гражданско-правовых начал в ответственности за банкротство» посвящен анализу развития законодательства о несостоятельности в России XV–XVI вв. Автор подразделяет нормативные акты, в которые включены положения, касающиеся несостоятельности, в зависимости от характера ответственности за нарушение положений о банкротстве. К первой группе отнесены те источники законодательства, в которых ответственность за правонарушения в сфере несостоятельности носит черты гражданско-правовой ответственности. Вторую группу составляют источники, в которых содержатся переходные нормы между ответственностью, направленной на восстановление имущественных прав кредиторов, и ответственностью, направленной преимущественно на наказание должника. Третья группа представлена правовыми актами, в которых отдельные правонарушения, связанные с несостоятельностью, рассматриваются как преступные деяния и влекут уголовную ответственность.

Анализ древнейших отечественных источников права свидетельствует о том, что в рассматриваемый период возникает деление видов несостоятельности на ту, которая стала следствием обстоятельств непреодолимой силы, на несостоятельность, вызванную неэффективной хозяйственной деятельностью, и на несостоятельность, являющуюся следствием или сопряженную с умышленными действиями, направленными на нарушение прав кредиторов. Несостоятельность первого вида неизменно влекла ответственность в виде обязанности возместить потери кредиторов. Несостоятельность второго и третьего видов служила основанием для возникновения личной ответ-

ственности должника, заключающейся в ограничении свободы и в передаче должника кредиторам.

Второй параграф носит название «Период формирования концепции банкротства как наказуемого деяния». Совершенствование материальных и охранительных отношений, связанных с несостоятельностью, происходило по двум основным направлениям. Первым из них являлась разработка процессуальных норм, регламентирующих процедуру банкротства. Вторым – протекавшая параллельно с изменениями законодательства о банкротстве реформа мер ответственности за правонарушения в сфере несостоятельности, заключающаяся в постепенном отказе от принципа личной ответственности должника, в обращении взыскания на имущество самого должника и его семьи и в возрастании карательной составляющей ответственности. Возмещение финансовых потерь перестало восприниматься государством и кредиторами как достаточное наказание для недобросовестного должника. В отдельных случаях нарушитель законодательства о банкротстве рассматривался как преступник, заслуживающий самого сурового наказания. На основе анализа норм Соборного уложения 1649 г., Устава о таможенном словесном суде 1727 г., Банкротского устава 1740 г., проектов Уставов 1753, 1763, 1768 гг., Устава 1800 г. и Устава 1832 г. прослеживается развитие представлений законодателя о несостоятельности и об ответственности за банкротство и связанных с ним правонарушений.

Третий параграф именуется «Период преобладания уголовной ответственности за правонарушения в сфере банкротства». В данном параграфе исследуются меры уголовной ответственности за неосторожное и злостное банкротство, предусмотренные Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовным уложением 1903 г. Проводится их сравнение с теми санкциями и условиями их применения, которые сформулированы в УК РФ. Установлено, что в дореволюционном и действующем законодательстве по-разному определяются перечни видов наказаний, которые могут быть возложены за преступления в сфере банкротства, и отдельные условия их применения. В УК РФ возможность привлечения к ответственности за преступления в сфере банкротства поставлена в зависимость от возникновения ущерба. Дополнительным условием может выступать наличие признаков банкротства в момент совершения деяния. Уголовным законодательством начала

XX в. было предусмотрено, что для привлечения лица к ответственности за правонарушения в сфере банкротства обязательным этапом выступало признание лица банкротом в судебном порядке. В ходе работы выявлены различия в понимании природы ущерба от преступлений, связанных с банкротством, и момента его причинения дореволюционным и современным законодателем.

Вторая глава носит название «Соотношение видов ответственности за правонарушения в сфере банкротства».

Первый параграф – «Характеристика видов ответственности, которые могут быть применены за правонарушения в сфере банкротства». История борьбы с правонарушениями в сфере несостоятельности свидетельствует о том, что эффективная борьба с ними в дореволюционный период осуществлялась путем совместного применения норм нескольких отраслей права. В современном законодательстве проступки в сфере банкротства могут служить основанием для возложения гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности. Каждый из данных видов ответственности обладает особенностями и спецификой применения в отношении правонарушений в сфере банкротства.

Основываясь на нормах ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», автор приходит к выводу, что главной функцией гражданско-правовой ответственности в сфере несостоятельности является восстановление нарушенных прав кредиторов. Гражданско-правовая ответственность – это единственный вид ответственности, применяемый в сфере банкротства, использование которого увеличивает конкурсную массу и объем тех денежных средств, которые кредиторы могут получить в погашение своих требований. Но гражданское право обладает ограниченным по своим возможностям механизмом принуждения к исполнению судебных актов и пресечения правонарушений.

Административная ответственность является эффективным способом борьбы преимущественно с правонарушениями, совершаемыми в ходе конкурсного производства, и, в частности, с правонарушениями арбитражных управляющих. Именно для арбитражных управляющих наложение административных взысканий не только влечет финансовые потери, но и негативно сказывается на вероятности их назначения в качестве арбитражных управляющих в конкретных процедурах банкротства.

Таким образом, сфера применения административной ответственности как для органов внутренних дел, так и для управления Росреестра фактически ограничена периодом с момента возбуждения дела о несостоятельности и до момента его окончания. Проведению плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на предмет наличия у них признаков банкротства и совершения ими правонарушений, связанных с банкротством, препятствует то, что проведение таких проверок влечет большие затраты, при этом количество поднадзорных субъектов крайне велико. Отсутствуют источники информации, с помощью которых правоохранительные органы могут быть осведомлены о правонарушениях на том этапе, когда административный проступок уже наличествует, а заявление в арбитражный суд еще не подано. В результате административная ответственность не может являться средством предупреждения и пресечения преднамеренных, фиктивных банкротств и неправомερных действий при банкротстве.

Нормы уголовного права, таким образом, должны позволить привлечь правонарушителя к ответственности максимально оперативно, так, чтобы не были утрачены следы преступления и причинен еще больший ущерб. В то же время должен быть соблюден точный баланс между оправданным ущемлением интересов субъектов экономической деятельности и свободой предпринимательства как первоосновой рыночной экономики. Достижение данного результата связано с определением момента начала и окончания неправомερных действий при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства. Поскольку составы ст. 195–197 УК РФ являются материальными, их применение поставлено в зависимость от причинения ущерба. В связи с этим наиболее перспективным с точки зрения сближения момента совершения преступления и момента реализации уголовной ответственности является анализ момента юридического окончания преступлений в сфере банкротства. От способа подсчета крупного ущерба, от определения потерпевшего от преступлений в сфере банкротства и от установления того момента, когда ущерб считается причиненным, в значительной степени зависит момент окончания преступлений в сфере банкротства.

Второй параграф поименован **«Факторы, влияющие на эффективность уголовной ответственности»**. В составах преступлений ст. 195–197 УК РФ можно выделить те элементы, которые обуслов-

лены спецификой защищаемых правоотношений, а значит, отличаются друг от друга. В частности, отличаются содержанием субъективной стороны, субъект преступлений и объективная сторона в части описания преступного деяния. Однако неизменным остается такое последствие деяния, как нанесение крупного ущерба. В свою очередь, именно момент окончания преступления имеет решающее значение при определении возможности привлечения лиц, виновных в данных преступлениях, к уголовной ответственности.

Проведенный опрос сотрудников правоохранительных органов продемонстрировал отсутствие единства мнений по вопросу о фигуре потерпевшего от преступлений в сфере несостоятельности. Порядка 50 % респондентов допускают, что ущерб причиняется самому должнику либо потерпевший устанавливается в каждом конкретном случае. Около 50 % предполагают, что ущерб причиняется кредиторам.

Проанализировав высказанные респондентами точки зрения, основываясь на нормах законодательства о несостоятельности, а также изучив аргументацию специалистов по данной тематике, автор приходит к выводу, что ущерб в ходе неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного или фиктивного банкротства причиняется, прежде всего, кредиторам юридического лица или индивидуального предпринимателя. В пользу этой точки зрения приводятся следующие доводы.

Существование составов преступлений в сфере банкротства только тогда может быть признано обоснованным, когда в отличие от ст. 201 УК РФ и от иных преступлений гл. 22 УК РФ они будут предполагать причинение ущерба именно кредиторам, а не самому юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю либо любым их контрагентам.

Формулировка объективной стороны составов преступлений в сфере банкротства дает основание предположить, что основными потерпевшими от данных преступлений являются кредиторы. В составе преднамеренного банкротства указано, что преступление заключается в совершении деяний, заведомо влекущих неспособность должника удовлетворить требования кредиторов. В ч. 2 ст. 195 УК РФ закреплено, что неправомерное удовлетворение требований кредиторов наказуемо в том случае, если оно совершено заведомо в ущерб другим кредиторам. Фиктивное банкротство может при-

чинить ущерб должнику, однако для признания за его действиями признаков преступления необходимо, чтобы в результате фиктивного банкротства ущерб был причинен другим лицам, а именно кредиторам данного должника.

В пользу признания кредиторов потерпевшими от преступлений в сфере несостоятельности свидетельствует и их субъектный состав. В том случае, если ущерб причиняется юридическому лицу, можно отделить субъект преступления от потерпевшего.

Аргументируется, что для нужд уголовного права в ст. 195, 196, 197 УК РФ надлежит использовать то понятие кредитора, которое сформулировано в законодательстве о банкротстве. Под кредиторами следует понимать физических лиц, юридических лиц и уполномоченные органы в случаях, предусмотренных ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Помимо характеристики потерпевшего от преступлений в сфере несостоятельности проанализированы понятие и экономическое содержание ущерба от данных преступлений, а также момент его причинения. Полисемия термина «крупный ущерб» проявляется в том, что законодатель, используя его в различных главах УК, придает ему то или иное значение в зависимости от защищаемого объекта. Вопрос отнесения тех или иных последствий совершения преступлений в сфере банкротства к ущербу был и остается предметом дискуссий.

Диссертант полагает, что на основе междисциплинарного подхода к этой проблеме под моментом причинения ущерба следует понимать момент неисполнения должником гражданско-правовых обязательств, возникших в силу закона или договора, либо момент введения процедуры конкурсного производства, если деяния, повлекшие ущерб, были совершены до признания должника банкротом, но срок исполнения гражданско-правовых обязательств еще не наступил. Если деяния имели место после введения процедуры конкурсного производства, то, следуя позиции, выработанной в дореволюционном законодательстве, под моментом причинения ущерба целесообразно понимать сам момент совершения неправомерного деяния. При этом для определения размера ущерба нет необходимости дожидаться окончания расчетов с кредиторами или окончания процедуры банкротства, если расчеты еще не производились.

Третья глава – «Анализ отдельных элементов составов преступлений в сфере банкротства».

Первый параграф – «Момент начала неправомерных действий при банкротстве как фактор, препятствующий эффективному применению ч. 1 ст. 195 УК РФ». Деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 195 УК РФ, являются классическим примером неправомерных действий при банкротстве. Их аналоги были закреплены в дореволюционном российском законодательстве и наказуемы в соответствии с нормативными актами по уголовному праву зарубежных стран. Однако при признании таких деяний преступными законодатель сталкивается с противоречием, заключающимся в том, что манипуляции с имуществом и документацией могут являться элементами обычной хозяйственной деятельности должника. В связи с этим возникает острая потребность установить, при каких именно условиях неправомерные действия при банкротстве приобретают общественную опасность и требуют криминализации. В действующем УК РФ закреплено, что свойство общественной опасности эти деяния приобретают при наличии признаков банкротства.

Исследуя российское законодательство о несостоятельности (банкротстве), дореволюционные отечественные нормативные акты и зарубежные источники права, диссертант приходит к выводу, что указания на наличие признаков банкротства недостаточно для отграничения законных деяний от преступных. Существующая практика применения уголовного законодательства и законодательства о банкротстве дает основание полагать, что необходимым условием для привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 195 УК РФ является предвидение субъектом преступления реальной возможности или неизбежности банкротства должника в момент совершения деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК РФ.

Для того чтобы предвидение несостоятельности могло быть объективно установлено, диссертант предлагает включить в ч. 1 ст. 195 УК РФ указание на то, что соответствующие деяния совершаются при наличии признаков банкротства, подтвержденных решением суда, вступившим в законную силу. Во-первых, это позволит не прибегать к анализу бухгалтерской документации должника для установления признаков банкротства, тем более что такая документация может быть недостоверна, умышленно искажена или утрачена. Во-вторых, при наличии судебного решения существование при-

знаков банкротства станет очевидным для юридического лица или индивидуального предпринимателя, которые не смогут в дальнейшем утверждать, что информация о задолженности перед третьими лицами не была до них доведена. В-третьих, задолженность, подтвержденная судебным решением, может быть положена в основу заявления кредитора о признании должника банкротом. В результате будут установлены такие признаки банкротства, которые позволяют предположить, что должник действительно может быть признан несостоятельным в ближайшее время.

На основании изложенного сформулирован текст изменений, подлежащих внесению в ч. 1 ст. 195 УК РФ.

Второй параграф – **«Условия неправомерности удовлетворения требований кредиторов»**. Неправомерное удовлетворение требований кредиторов является деянием, посягающим на основы конкурсного процесса, чья суть заключается в обоснованном и справедливом погашении задолженности перед кредиторами. В ходе анализа положений ст. 9, 10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и норм действующего уголовного права автор приходит к заключению, что по ч. 2 ст. 195 УК РФ может быть квалифицировано удовлетворение только реальных требований кредиторов. То есть необходимо, чтобы задолженность существовала на момент погашения требования. Удовлетворение же фиктивных требований должно быть отнесено к неправомерному отчуждению имущества должника и квалифицироваться по ч. 1 ст. 195 УК РФ.

Рассматриваются вопросы правомерности погашения задолженности перед кредиторами в ходе проведения процедуры наблюдения, а также предпринята попытка очертить круг тех правил и норм законодательства о банкротстве, нарушение которых может расцениваться как неправомерное удовлетворение требований кредиторов.

Подвергнуто анализу такое важнейшее условие применения ч. 2 ст. 195 УК РФ, как совершение деяния заведомо в ущерб другим кредиторам. По мнению автора, подобная ситуация может иметь место в случае, если должник был не в состоянии погасить предъявленные к нему требования на момент неправомерного удовлетворения требований другого кредитора, либо в случае, если невозможность погашения требований (полная или частичная) была вызвана этим неправомерным удовлетворением.

В третьем параграфе «Противодействие воспрепятствованию деятельности арбитражного управляющего» анализируются условия, при которых воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего должно признаваться неправомерным и наказуемым. В рамках исследования была поставлена задача определить, насколько обоснованно предусмотрено ч. 3 ст. 195 УК РФ условие, гласящее, что неправомерным является воспрепятствование деятельности только того арбитражного управляющего, на которого возложены функции руководителя должника. Для этих целей проведен анализ законодательства о несостоятельности, изучен комплекс прав и обязанностей, которыми обладает арбитражный управляющий в зависимости от проводимой им процедуры, используемой в деле о банкротстве. Определено, какими правами арбитражный управляющий обладает в силу ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и какие из его прав проистекают из его полномочий как руководителя должника. Было установлено, что уголовно-правовой запрет вступает в действие в тот момент, когда у арбитражного управляющего имеется возможность самостоятельно добиться выполнения своих законных требований и распоряжений, не прибегая к государственному принуждению, в то время как в ходе проведения процедуры наблюдения, когда потребность в получении информации наиболее высока, а руководитель должника может активно препятствовать выполнению распоряжения арбитражного управляющего, ч. 3 ст. 195 УК РФ не может быть применена. С учетом выявленного несоответствия были высказаны предложения по внесению изменений в УК РФ.

В четвертом параграфе «Момент признания должника банкротом как условие применения состава преднамеренного банкротства» рассмотрены два основных вопроса, влияющих на момент, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство должника. Так, диспозиция ст. 196 УК РФ дает основание для дискуссии о том, требуется ли признание должника банкротом для привлечения к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство. Отсутствует единство мнений и по вопросу о том, какие именно последствия должен предвидеть субъект, обозначенный в ст. 197 УК РФ. Идет ли речь исключительно о банкротстве должника и процедуре конкурсного производства, или умыслом может охватываться любое ухудшение финансового со-

стояния, влекущее применение любой из процедур, используемых в деле о несостоятельности.

Актуальность первого вопроса порождена следующим. Установленный факт банкротства облегчает доказывание объективной и субъективной стороны деяния. Вместе с тем между совершением деяний, составляющих объективную сторону преднамеренного банкротства, и признанием должника несостоятельным в установленном законом порядке может пройти длительный промежуток времени, в течение которого привлечение к уголовной ответственности будет невозможно.

Заключение о наличии признаков преднамеренного банкротства, предусмотренное процедурой банкротства, подготавливается в ходе наблюдения. Анализ финансового состояния должника и заключение о наличии (отсутствии) у него признаков преднамеренного банкротства относятся к числу документов, которые должны быть представлены в арбитражный суд вместе с материалами первого собрания кредиторов и отчетом временного управляющего о результатах проведения процедуры наблюдения. Если признать банкротство должника необходимым условием применения ст. 196 УК РФ, то между требованиями УК РФ и законодательства о банкротстве возникнет противоречие, поскольку ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» обязывает арбитражного управляющего передать информацию о наличии признаков преднамеренного банкротства в правоохранительные органы до признания должника банкротом, а УК РФ обязывает правоохранительные органы дожидаться введения конкурсного производства для привлечения виновных лиц к ответственности.

На основании изложенных и иных аргументов обосновывается позиция, что для привлечения виновных лиц к ответственности по ст. 196 УК РФ не требуется признания должника банкротом в установленном законом порядке. Момент окончания данного преступления зависит от причинения крупного ущерба, нанесенного кредиторам.

Освещен вопрос о содержании субъективной стороны преднамеренного банкротства. Законодателем приведен точный круг обстоятельств, которые должен осознавать виновный для привлечения его к ответственности по ст. 196 УК РФ. Сознанием субъекта должно охватываться то, что совершенные им действия заведомо влекут неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по

денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Данная формулировка означает, что в качестве результата своих действий субъект преступления предвидит именно банкротство. Все остальные процедуры кроме процедуры конкурсного производства, предусмотренные ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», не предполагают признания должника банкротом. Диссертантом исследована возможность применения состава преднамеренного банкротства в случаях введения процедур финансового оздоровления и внешнего управления. Изучив практику введения этих процедур, автор приходит к выводу, что в субъективную сторону преднамеренного банкротства входит предвидение должником банкротства и введения процедуры конкурсного производства.

Пятый параграф – «Востребованность фиктивного банкротства как самостоятельного состава преступления». В научной литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что состав фиктивного банкротства подлежит исключению из УК РФ. Диссертант приводит новые аргументы в поддержку данного мнения.

Во-первых, состав фиктивного банкротства относится к числу составов с бланкетной диспозицией и демонстрирует свойственные для них недостатки. В частности, состав преступления, предусмотренный ст. 197 УК РФ, не согласуется с действующим законодательством, регулирующим процедуру банкротства.

Во-вторых, применению состава фиктивного банкротства препятствует указание на публичность объявления о несостоятельности. Анализ составов преступлений, в которых содержится признак публичности, свидетельствует о том, что виновный, совершая деяние публично, предполагает, что о нем станет известно определенному кругу лиц. Обширность аудитории и должна являться либо необходимым условием самой общественной опасности деяния, либо влечь повышение степени его общественной опасности. Подавая заявление в арбитражный суд, виновный осознает, что с его текстом могут ознакомиться двое и более лиц, однако его умысел направлен не на распространение недостоверной информации о несостоятельности должника, а на использование тех последствий, которые повлекут принятие судом заявления о признании должника банкротом и последующее вынесение определения о введении наблюдения. Публичность деяния в виде ознакомления с заявлением о признании должника банкротом сотрудников суда в случае фик-

тивного банкротства не служит причиной ущерба, не влияет на размер ущерба и не может рассматриваться как цель деяния. В связи с этим признак публичности является излишним в составе фиктивного банкротства.

В-третьих, деяния, совершаемые в ходе фиктивного банкротства, могут быть квалифицированы по другим составам преступлений в сфере банкротства или иным составам преступлений в сфере экономики.

В заключении подводятся итоги научного исследования, формулируются выводы и предложения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, указанных в перечне ВАК

1. *Бажин Д. А.* К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // Рос. юрид. журн. – 2011. – № 2. – С. 162–168. – 0,5 п. л.

2. *Бажин Д. А.* К вопросу о моменте окончания преступлений в сфере банкротства // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 6. – С. 127–130. – 0,3 п. л.

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях

3. *Бажин Д. А.* Условия функционирования формальных составов преступлений в сфере банкротства // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2011. – № 4 (URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=node/266>). – 0,5 п. л.

4. *Бажин Д. А.* Ответственность за введение реабилитационных процедур, используемых в деле о банкротстве // Сб. науч. тр. по материалам Международной науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2011. – Ч. 1. – С. 26–28. – 0,2 п. л.

5. *Бажин Д. А.* Недостатки составов преступлений в сфере банкротства // Правовая реформа в России: материалы Всерос. ежегодной науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов. – Екатеринбург: ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2009. – С. 278–280. – 0,2 п. л.

Подписано в печать 19.10.11. Формат 60×84/16.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,39. Уч.-изд. л. 1,30.

Тираж 100 экз. Заказ № 98

Отдел дизайна и полиграфии

Издательского дома

«Уральская государственная юридическая академия».

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«Уральская государственная юридическая академия»